

УДК 344.65

ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННУЮ ИНФОРМАЦИЮ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

О. Я. Баев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 октября 2009 г.

Аннотация: в статье обосновывается необходимость и актуальность исследования посягательств на доказательственную информацию и доказательств как системы. Формулируются основные операционные понятия этой парадигмы и предлагаются классификации названных посягательств по различным основаниям. Особо выделяются посягательства, представляющие собой «соучастие после факта».

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказательство, информация.

Abstract: the article is necessity and topicality of research of crimes against evidences as a kind of information and a specific system are proved. The author gives us primary operational definitions of this concept and classification of those crimes in different grounds. Especially mark out crimes named «participation after a fact».

Key words: criminal process, evidens, information.

Парадигма посягательств на доказательственную информацию и доказательств, в русле попытки создания которой предлагается настоящее исследование¹, в первую очередь, требует обоснования соответствующей проблемы, определения основных операционных понятий и классификаций. Сформулируем несколько достаточно тривиальных для теории и практики уголовного судопроизводства системных положений.

Положение первое: в основе принятия и реализации всех уголовно-процессуальных решений и всех других решений, принимаемых и реализуемых в уголовном процессе, лежит определенная информационная база в виде доказательственной информации и доказательств (в прямом правовом смысле этого понятия).

Положение второе: большая часть таковой информации, особенно на первоначальных стадиях уголовного судопроизводства (возбуждения и предварительного расследования уголовных дел), носит вербальный характер.

Положение третье: показания по уголовным делам зачастую даются в результате принуждения к этому со стороны лиц, осуществляющих уголовное преследование; имеют место и случаи прямой фальсификации ими доказательств.

363

¹ *Парадигма* — строго научная теория, воплощенная в системе понятий, выражающих существенные черты действительности // Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 977.

Положение четвертое: более половины лиц, допрошенных на предварительном следствии, в ходе него или в суде от ранее данных показаний полностью или частично отказываются, объясняя это, как правило, тем, что таковые давались ими по принуждению лиц, осуществляющих уголовное преследование, либо были последними неправильно отражены в протоколе допроса².

Положение пятое: не менее часто истинными причинами изменения показаний допрашиваемыми является оказываемое на них воздействие со стороны лиц, заинтересованных в благоприятном, с их позиций, исходе уголовного преследования.

Иными словами, при рассмотрении подавляющего числа уголовных дел суды сталкиваются с фактами тех или иных посягательств на доказательственную информацию и доказательства, совершаемых и лицами, осуществляющими уголовное преследование, и непрофессиональными участниками уголовного процесса, и другими заинтересованными в исходе дела лицами; вынуждены их анализировать, оценивать и с учетом этого принимать те или иные решения.

Положение шестое: количество постановляемых судами оправдательных приговоров в настоящее время составляет около 1 % (что находится, как говорят социологи, в пределах так называемой статистической погрешности). При этом «утверждаемость» обвинительных приговоров кассационными и надзорными инстанциями составляет около 95 %, а отмена ими из указанного мизерного числа оправдательных приговоров — несоизмеримо больше (около 30 %)³.

Означает ли это, что суды (а до того следователи и прокуроры) действительно объективно и беспристрастно оценивают доказательственную базу обвинения даже в тех случаях, когда она претерпевает в ходе разбирательства серьезные изменения, в частности, когда допрашиваемые лица (подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, потерпевшие и свидетели) изменяют ранее данные ими показания? Либо исторически традиционная для правосудия трогательная детская игра

² В судопроизводстве по преступлениям некоторых отдельных видов эти данные значительно выше. Так, прокуроры, поддерживающие государственное обвинение по делам об изнасилованиях, показывают, что в суде показаний, данных на предварительном следствии, придерживаются только 4 % подсудимых, 18 % потерпевших и 14 % свидетелей; меняют частично — 56 %, 73 % и 74 %; отказываются от ранее данных показаний 40 %, 9 % и 12 % соответственно (см.: Ялышев С. А., Елагина Е. В. О практике назначения судебных экспертиз следователем // Следственная практика. М., 2008. Вып. 177. С. 220).

³ В частности, из Обзора кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2008 г. усматривается следующее. Из числа лиц, приговоры, постановленные в отношении которых обжаловались и/или опротестовывались прокурорами, отменены обвинительные приговоры в отношении 5,2 % осужденных (в том числе, в отношении 15 лиц ввиду мягкости назначенного наказания); оправдательные приговоры отменены в отношении 26,9 % всех оправданных.

(а в нашем случае — игра взрослых и, зачастую, с трагическим исходом для ее невольных участников) — «первое слово дороже второго» и в настоящее время продолжается?

В настоящее время мы склонны к утвердительному ответу на второй из этих вопросов. На наш взгляд, слова, что «такого, чтобы преступников сажали по справедливости, не бывает. Ни в нашем городе, ни в любом другом, будь он хоть вдвое меньше. А все потому, что в нашей с тобой огромной и распрекрасной [России] таких порядков нет»⁴, несмотря на их, может быть, излишнюю категоричность, пока, увы, остаются актуальными.

А для того, чтобы «такие порядки были», нужно, как минимум, чтобы доказательства, на основе которых принимаются (и должны приниматься) процессуальные решения в уголовном судопроизводстве, изначально были достоверными, допустимыми и достаточными для принятия соответствующих решений, а причины возможной последующей трансформации доказательств объективно устанавливались, анализировались и должным образом оценивались субъектами доказывания.

Сущность решений, формы облечения, сама их значимость зависят в целом от трех факторов: профессиональных и личных интересов участвующих в судопроизводстве лиц, рамок их правовой компетенции, стадии этого производства (в досудебном или в судебном производстве по уголовному делу оно осуществляется).

В то же время, какими бы из обозначенных факторов не предопределялась необходимость принятия субъектом уголовного судопроизводства того или иного решения, на какой бы стадии уголовного процесса оно не принималось, в основе его лежит информация, некая информационная база, которой этот субъект располагает к моменту принятия решения. При этом она выступает в двух «ипостасях»: в виде уголовно-релевантной, потенциально доказательственной информации и судебных доказательств как таковых в точном уголовно-процессуальном смысле этого понятия (о соотношении этих категорий будет говориться ниже).

Однако специфика принятия и реализации решений в уголовном судопроизводстве как раз и состоит в том, что они происходят в условиях резкого противодействия со стороны лиц и организаций, имеющих иные профессиональные и личные интересы в уголовном деле, чем интересы лица, принимающего и реализующего свое решение. Оказывая противодействие, лицо, в том или ином качестве вовлеченное в уголовный процесс или заинтересованное в его исходе, в своих личных или профессиональных целях «вольно» обращается с имеющейся в его распоряжении информацией, посягает на нее, искажает, скрывает либо игнорирует ее, наконец, умышленно создает ложную информацию, придавая ей уголовно-релевантную значимость.

⁴ В этой цитате из романа известного американского автора детективов Реймонда Чандлера мы взяли на себя смелость заменить название страны: у Р. Чандлера, разумеется, говорится об Америке.

Совершенно очевидно, что любые посягательства на доказательственную информацию и доказательства непосредственно сказываются на качестве принятия субъектом уголовного судопроизводства соответствующего решения, делая его либо ошибочным, либо неэффективным, нерациональным для разрешения возникшей проблемы в сложившейся ситуации уголовно-процессуального исследования преступлений.

Все сказанное предопределяет насущную теоретическую и практическую потребность системного и углубленного изучения различных видов и форм посягательств на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве, разработки правовых и криминалистических средств их предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий.

Определимся в соотношении понятий «доказательственная информация» и «доказательства». Правовая, теоретическая и практическая необходимость их четкого разграничения обусловлена несколькими причинами. Во-первых, тем, что доказательства в смысле, придаваемом им уголовно-процессуальным законом, сами по себе не возникают; как это, на первый взгляд, не парадоксально, субъект доказывания их не собирает (это не грибы и не ягоды). Как известно, механизм совершения преступления влечет возникновение адекватной ему информации. Часть информации, уголовно-релевантное значение которой для расследования на современном этапе развития криминалистики известно, имеются методики ее извлечения и переработки, оценивается субъектом доказывания в качестве следов преступления⁵, которые являются источниками реальной и/или потенциальной доказательственной информации об уголовно-релевантных фактах. Именно и только на их основе субъект доказывания формирует доказательства, облекая эту информацию в соответствующую уголовно-процессуальную форму (протоколов следственных действий; протокола судебного заседания, опосредующего процесс доказывания при разбирательстве уголовного дела в суде; заключений экспертиз; придания определенным материальным объектам статуса вещественных доказательств, и т.п.)⁶.

«Доказательство, — совершенно верно пишет С. А. Шейфер, — представляет собой неразрывное единство содержания (фактические данные, т.е. сведения о фактах, подлежащих установлению) и формы (показания, заключения экспертов, вещественные доказательства и документы)»⁷.

⁵ См. об этом подробнее: Баев О. Я. Основы криминалистики. М., 2009.

⁶ Эти проблемы глубоко исследованы рядом ведущих отечественных криминалистов (см., например: Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 1; Колдин В. Я., Полевой Н. С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М., 1985; Усманов Р. А. Информационные основы предварительного расследования. М., 2006, и др.).

⁷ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1998. С. 37 (этой же точки зрения придерживается, насколько нам известно, и большинство других процессуалистов).

Изначально доказательства не существуют — они формируются путем восприятия следов и преобразования их содержания, облечения в процессуальную форму⁸ «надлежащим субъектом доказывания при выполнении требований закона относительно источника, способа, порядка получения, закрепления и приобщения к делу этих сведений»⁹. Доказательственная информация, не облеченная в соответствующую уголовно-процессуальную форму, предназначенную для ее извлечения, — «вещь в себе», и какой бы значимой сама по себе она не была, непосредственно для доказывания по уголовному делу использоваться не может; она не допустима для использования в этом процессе.

Таким образом, любое уголовно-процессуальное доказательство есть информация об объекте исследования (в нашем случае — об уголовно-релевантных фактах), отвечающая двум необходимым атрибутивным признакам: относимость к объекту и форма облечения, допустимая для использования в этом качестве для доказывания в уголовном процессе.

Опуская анализ многочисленных исследований, посвященных изучению этих двух обязательных признаков уголовно-процессуальных доказательств, скажем, что в целом мы присоединяемся к мнению о том, что признак относимости содержащейся в доказательстве информации обозначает наличие объективной связи полученных сведений с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, а также иными обстоятельствами, имеющими значение для уголовного дела; допустимость доказательства состоит в соответствии требованиям уголовно-процессуального закона субъектов, источников, способов и порядка получения любых сведений, используемых для установления значимых по уголовному делу обстоятельств¹⁰.

Человечество за всю многовековую и зачастую трагическую свою «уголовно-судопроизводственную» историю пришло к аксиоматичному выводу, сформулировало, выстрадало следующую правовую догму: *лишь строжайшее соблюдение процессуальной формы уголовного судопроизводства, осуществления в нем доказывания, является хотя бы некоторой, минимально необходимой и возможной, гарантией обеспечения прав человека от репрессивного механизма государства.*

Информация, не отвечающая требованиям относимости и допустимости, а *priori* не может расцениваться как уголовно-процессуальное доказательство (что, заметим, нисколько не преуменьшает опасности посягательств на нее, эффективная борьба с которыми требует существенных изменений действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства).

⁸ См.: Шейфер С. А. Указ. соч.

⁹ Уголовный процесс России / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. Воронеж, 2003. С. 122; см. также об этом: Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005; Дулов А. В., Рубис А. С. Основы формирования криминалистической теории доказывания. Минск, 2004.

¹⁰ См., например: Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. С. 138—177.

Из всего сказанного выше о сущности доказательства и его обязательных атрибутивных свойствах в контексте нашей темы следует такой принципиально важный (и далее подробно обосновываемый и используемый) вывод: чтобы лишить уголовно-процессуальное доказательство такого его значения, достаточно лишить его одного из указанных выше признаков — относимости или допустимости. И, соответственно, чтобы придать искаженной или искусственно сконструированной информации значимость уголовно-процессуального доказательства, достаточно обосновать ее относимость к исследуемому факту и облечь ее (обусловить необходимость для субъекта доказывания такового облечения) в форму, предусмотренную уголовно-процессуальным законом для формирования соответствующего доказательства.

Во-вторых, необходимость разграничения понятий «доказательственная информация» и «доказательство» предопределяется также следующим. Не только в литературе¹¹, но и в самом законе (мы имеем в виду уголовный закон) эти понятия в ряде случаев смешиваются, по сути, между ними ставится знак равенства. По нашему убеждению, это не только является теоретически крайне некорректным, но и практически серьезно усложняющим борьбу с посягательствами как на доказательства в их уголовно-процессуальном значении, так и на доказательственную информацию в обозначенном выше ее смысле.

Так, части 2 и 3 ст. 303 УК РФ (далее — УК) говорят о фальсификации доказательств по уголовному делу перечисленными в ней субъектами, в том числе защитником; ч. 3 ст. 306 УК — о ложном доносе, соединенном с искусственным созданием доказательств обвинения. Однако, как сказано, в уголовно-процессуальном праве категория доказательств означает не просто любые сведения, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также имеющих для него значение, они должны быть получены лишь из источников, исчерпывающий перечень которых определен уголовно-процессуальным законом (ст. 74 УПК РФ). В противном случае эти сведения, повторим, не могут обрести статус доказательств по уголовному делу.

368 Как лицо, учинившее ложный донос, может искусственно *создать доказательства* (в прямом и единственно корректном для использования в правотворчестве уголовно-процессуальном значении этого понятия)? Такое лицо в принципе не является субъектом формирования доказательств; самое большее, что оно может, — создать, представить объекты, содержащие уголовно-релевантную (потенциально доказательственную) информацию, обратившись к которым субъект доказывания (и только он) таковые и создаст.

Сказанное всецело касается и защитника, указанного в диспозиции ст. 303 УК в качестве возможного субъекта фальсификации доказа-

¹¹ См., например: *Образцов В. А.* Выявление и изобличение преступника. М., 1977. С. 35.

тельств, но который, тем не менее, самостоятельным субъектом формирования доказательств в настоящее время и в реалиях действующего УПК не является.

С учетом данных ремарок и того, что до настоящего времени мы в литературе не встречали предлагаемого подхода к проблемам манипулирования доказательствами, позволим себе определить посягательство на доказательственную информацию и доказательства в производстве по уголовному делу следующим образом: *посягательство на доказательственную информацию/ доказательства — есть покушение заинтересованных лиц на эти объекты (доказательственную информацию/доказательства) с целью обеспечения принятия и реализации противостоящей стороной уголовно-процессуальных и криминалистических решений в интересах лиц, осуществляющих посягательство, а также удержания противостоящей стороны от принятия и реализации решений, не соответствующих интересам субъектов, такую деятельность осуществляющих.*

В основу разграничения различных видов и форм посягательств на доказательственную информацию и доказательства, по нашему убеждению, в первую очередь должна быть положена цель, которую ставят перед собой лица, учиняющие такие деяния. Этот посыл нам представляется аксиоматичным, ибо, как издавна известно, именно поставленная перед собой субъектом деятельности цель, как правило, предопределяет все возможные виды, формы, средства и способы ее достижения.

Если говорить об этом подробнее (а без этого дальнейшее наше исследование становится беспредметным), то, видимо, уместно основываться на так называемой *дихотомии целей*. Напомним, что под «целью» вообще понимается «идея, отражающая потребности субъекта и условия их удовлетворения, его решение достигнуть предвиденного желаемого результата своей деятельности и являющаяся регулятором этой деятельности»¹². Общая цель субъекта, посягающего на доказательственную информацию/доказательства, обозначена нами в предложенном выше определении этого понятия.

Дихотомическое деление обозначает деление объема понятия на два класса, исчерпывающих весь объем делимого понятия. Дихотомия «исключает ошибки, возможные в политомии (деление по видоизменению основания); члены деления в ней исчерпывают объем делимого понятия и всегда исключают друг друга как понятия противоречащие; невозможна здесь и подмена основания деления (поскольку происходит не видоизменение родового признака, а лишь утверждение и отрицание видового) ... члены деления остаются на одном уровне общности»¹³.

Нам, как сказано, представляется, что использование этого приема классификации объектов позволит упорядочить цели посягательств

¹² Куценко В. И. Социальная задача как категория исторического материализма. М., 1972. С. 134.

¹³ Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 24.

на доказательства, что, в свою очередь, предопределил возможности углубленного изучения отдельных видов осуществления этой деятельности и средств, для того применяемых. И, как следствие, позволит предложить некие обоснованные рекомендации по противодействию противоправным посягательствам на доказательственную информацию/ доказательства и нейтрализации их последствий.

Дихотомическое разделение целей посягательства на доказательственную информацию и доказательства, позволяет классифицировать их следующим образом:

1. Соккрытие факта совершения преступления — создание доказательств о факте совершения преступления;

2. Соккрытие факта совершения преступления определенным лицом — создание доказательств о совершении преступления определенным лицом;

3. Соккрытие факта совершения преступления определенным лицом при отягчающих обстоятельствах — создание доказательств о совершении преступления определенным лицом при обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность, либо при смягчающих обстоятельствах.

Как это нам представляется в настоящее время, посягательства на доказательственную информацию и (или) на доказательства как попытки (удавшиеся или неудавшиеся) со стороны заинтересованного лица (группы лиц, организации) достижения той или иной из названных целей могут быть осуществлены в одном из следующих направлений (или в нескольких из них в системе):

а) уничтожение доказательства (доказательственной информации) в целом;

б) сокрытие доказательственной информации/доказательства;

в) лишение доказательства свойства относимости или (и) допустимости;

г) трансформирование доказательства, придание ему значимости, удовлетворяющей указанные выше интересы лица, оказывающего противодействие противостоящей стороне в форме посягательства на доказательства/доказательственную информацию;

д) прямое или косвенное обозначение доказательственной значимости искусственно сконструированной информации, ее нахождения на определенных реально не носящих ее материальных/идеальных объектах (что обусловит возможность или необходимость формирования на ее основе соответствующего доказательства).

Наиболее сложными для выявления и расследования видами такого рода посягательств на доказательства является, думается, создание заинтересованным лицом (лицами) криминальных инсценировок, когда уголовно-релевантная доказательственная информация искусственно создается заинтересованными в том лицами.

Под инсценировкой в рассматриваемом нами значении этого понятия понимается «создание обстановки, не соответствующей фактически произошедшему на этом месте событию, что может дополняться со-

гласуемыми с этой обстановкой поведением и ложными сообщениями как исполнителей инсценировки, так и связанных с ними лиц»¹⁴. При этом в зависимости от цели, поставленной перед собой «инсценировщиком», это может быть инсценировка как непроступного события (что на практике встречается чаще), так и преступления (от инсценировки изнасилования, разбойного нападения и тому подобных преступных насильственных деяний до уголовно наказуемой инсценировки получения должностным лицом взятки или коммерческого подкупа)¹⁵.

Завершая рассмотрение этого вопроса, следует оговориться: далеко не каждое посягательство на доказательства, носит негативный характер, негативно по своей сущности. И именно этот атрибутивный признак, думается, в первую очередь должен быть положен в основание дальнейшей дихотомической классификации рассматриваемого явления: *противоправность — правомерность (ненаказуемость — допустимость) посягательства на доказательства*.

В этом отношении мы всецело согласны со следующим мнением Ю. П. Гармаева, высказанным им относительно деятельности защитника: «Пределами правомерной деятельности, «красными флажками», линию которых не вправе преступать ни один защитник, помимо норм профессиональной этики, является деятельность, прямо запрещенная нормативными актами законодательства.

К числу таких актов относятся: Уголовно-процессуальный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, Закон об адвокатуре, Кодекс профессиональной этики. Важнейшим нормативно-правовым актом, определяющим «красную черту» между законной и незаконной, точнее преступной, защитительной деятельностью, является Уголовный кодекс РФ»¹⁶.

Эти же «красные флажки», как мы считаем, в целом отделяют правомерное, а потому допустимое маневрирование доказательственной информацией и доказательствами от противоправного, не только недопустимого, но и уголовно наказуемого посягательства на эти объекты со стороны как адвокатов, так и всех иных заинтересованных в том или ином исходе уголовного дела лиц.

Сразу скажем, что (и это, в сути своей, является основанием для других возможных классификаций посягательств на доказательства) субъектами тех или иных из них могут выступать:

— лицо, совершившее преступление / лицо, заинтересованное в создании «преступления»;

¹⁴ Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 1. С. 372 (об этом см. также: Николайчук И. А. Скрытие преступлений как форма противодействия расследованию. М., 2000. С. 62—75).

¹⁵ См. этом: Образцов В. А. Инсценировка в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. Якутск, 2005; Фадеев В. И. Расследование криминальных инсценировок. М., 2007.

¹⁶ Гармаев Ю. П. Преступления, совершаемые недобросовестными адвокатами в сфере уголовного судопроизводства. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

— частные лица, действующие в интересах лица, совершившего преступление / заинтересованного в создании «преступления»;

— коррумпированные профессиональные участники уголовного судопроизводства, действующие в тех же целях;

— профессиональные участники уголовного судопроизводства, действующие в личных нематериальных, в том числе неправильно понятых служебных интересах.

Заметим, что в литературе по противодействию расследованию обычно этих лиц в зависимости от формы их участия в уголовном судопроизводстве относят к субъектам внутреннего или внешнего противодействия (закключающегося в том или ином виде совершения посягательств на доказательства). К субъектам внутреннего противодействия по праву причисляются профессиональные участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения и другие сотрудники правоохранительных органов; внешнего — все остальные перечисленные выше лица¹⁷.

Кроме того, отметим, что данные посягательства на доказательства могут носить и групповой характер, совершаться по сговору между названными выше субъектами в различных их сочетаниях.

Посягательства на доказательства могут быть активными (выражаться в целенаправленных действиях) и пассивными (в форме бездействия, в том числе и противоправного). Противоправные посягательства на доказательственную информацию и доказательства, совершаемые профессиональными участниками уголовного судопроизводства, опосредованы, в основном, в двух нормах УК РФ: принуждение к даче показаний (ст. 302) и фальсификация доказательств (ст. 303). Учитывая реалии правоприменительной практики, уголовный закон криминализирует значительно более широкий спектр возможных посягательств на доказательственную информацию для непрофессиональных участников уголовного судопроизводства и иных заинтересованных в исходе дела лиц (ст. 306—311 УК РФ). Более того — и здесь мы позволим себе, быть может, несколько еретическое с точки зрения ортодоксального уголовного права предположение, — большинство из них может быть расценено как *соучастие после факта преступления*.

Сразу скажем, что возможность рассмотрения таких деяний как вида соучастия в преступлении обсуждался со времен Римской Империи. В римском праве они рассматривались или как вид соучастия, или как особое преступление, именуемое *crimen extraordinarium*. В уголовном законодательстве дореволюционной России, как об этом писал, например, ординарный профессор Киевского университета Св. Владимира Л. С. Белогриц-Котляревский, они выделялись как особый тип совиновничества, отличный от соучастия в узком смысле этого понятия, но находящийся с ним в органической связи¹⁸.

¹⁷ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 1; Трухачев В. В. Преступное воздействие на доказательственную информацию. Воронеж, 2000.

¹⁸ См.: Белогриц-Котляревский Л. С. Очерки курса русского уголовного права. Киев, 1896. С. 195.

В современном уголовном праве зарубежных стран, в частности США, понятие и институт «соучастия после факта» как уголовно наказуемого соучастия после совершения преступления как такового разработаны весьма детально.

Приведем два раскрывающих его сущность положения:

— Если лицо оказывало помощь исполнителю или пособнику с целью воспрепятствования его поимке, осуждению или отбытию наказания за совершенную фелонию (в современном англо-американском уголовном праве — всякое тяжкое преступление. — О. Б.), то оно является пособником после факта совершения преступления.

— Соучастием после факта также является «укрывательство лица, совершившего преступление, предупреждение его о возможном обнаружении или аресте, во избежание обнаружения или ареста обеспечение его транспортом, деньгами или другими средствами, сокрытие, изменение или уничтожение доказательств, которые могут помочь обнаружению, аресту или предъявлению обвинения против него (курсив наш. — О. Б.), оказание ему помощи в сохранении добытого в результате преступления или получении выгод от этого, а также другие действия, совершаемые с намерением воспрепятствовать обнаружению, аресту или преданию суду лица, которое, как известно обвиняемому, совершило или предположительно совершило такое преступление, либо которое в связи с этим разыскивается правоохранительными органами»¹⁹.

Таким образом, *соучастие после факта есть противоправные умышленные действия лиц, не являющихся соучастниками преступления в смысле, придаваемом этому понятию ст. 33 УК РФ, направленные на удовлетворение собственных интересов и/или интересов других лиц в отношении осуществляемого по делу уголовного преследования.*

Нам (отметим, в сугубо постановочном плане) представляется, что если бы и отечественное законодательство, теория и практика правоприменения в соответствующем контексте использовало понятие «соучастие после факта совершения преступления», то это не только более точно отражало бы содержание таких противоправных деяний (сущности различных форм, уже опосредованных уголовным законом прикосновенности к преступлению), но и подчеркивало бы повышенную социальную их опасность, а потому, возможно, психологически предупреждало бы отдельных лиц от совершения подобных преступлений.

¹⁹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Воронежский государственный университет

Баев О. Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета

E-mail: baev@law.vsu.ru

Tel.: 8(4732) 208-514

Voronezh State University

Baev O. Ya., Doctor of Legal Science, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Head of the Criminology Department of the Law Faculty

E-mail: baev@law.vsu.ru

Tel.: 8(4732) 208-514